

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.16>

Карпович Павел Эдуардович

"ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ" И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РАКУРСЕ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА

В статье рассматривается проблема антропологического кризиса в ракурсе теории когнитивного капитализма, которая устанавливает непосредственную взаимосвязь между активизацией кризисных явлений и восприятием индивида как носителя "человеческого капитала". Капитализация человека выступает очередной стадией его экономического и социального отчуждения, поскольку личность сводится исключительно к набору экономически выгодных и востребованных навыков и способностей. Диагностика антропологического кризиса должна дополняться учетом специфики цифровой реальности и ее влияния на устройство общества и траектории социальных взаимодействий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/7/16.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(93) С. 82-86. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1; 316.33

Дата поступления рукописи: 17.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7-16>

В статье рассматривается проблема антропологического кризиса в ракурсе теории когнитивного капитализма, которая устанавливает непосредственную взаимосвязь между активизацией кризисных явлений и восприятием индивида как носителя «человеческого капитала». Капитализация человека выступает очередной стадией его экономического и социального отчуждения, поскольку личность сводится исключительно к набору экономически выгодных и востребованных навыков и способностей. Диагностика антропологического кризиса должна дополняться учетом специфики цифровой реальности и ее влияния на устройство общества и траектории социальных взаимодействий.

Ключевые слова и фразы: когнитивный капитализм; человеческий капитал; цифровое неравенство; отчуждение; личность; неофеодализм.

Карпович Павел Эдуардович

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
lksm.saratov@gmail.com*

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ» И ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РАКУРСЕ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА

В настоящее время возрастает роль нематериальных факторов производства, что дает возможность говорить о человеческом капитале не только как об экономическом ресурсе, но и важной характеристике современного социального устройства. Изучение человеческого капитала активно ведется в рамках экономики, социологии, политологии, но особую роль играет философский анализ не столько содержания данной категории, сколько причин возникновения и закономерностей функционирования.

Актуальность исследования определяется усилением роли цифровых технологий не только в повседневной жизни человека, но и в принципах современного социального устройства. Понятие антропологического кризиса, заключающееся в распаде традиционных социальных структур, нарастании индивидуализма и напряженности в отношениях между культурными и этническими сообществами, становится «общим местом» в диагностике современного общества. Но при этом недостаточно учитывается возможность критических подходов к обществу, представленных, в частности, теорией когнитивного капитализма, чтобы поставить вопрос об истоках антропологического кризиса и его взаимосвязях с категорией «человеческий капитал».

Целью исследования является анализ предпосылок антропологического кризиса с позиций когнитивного капитализма и концептуализация новых форм цифрового неравенства, определяющих нарастание кризисных явлений. Новизна поставленной цели определяется практически полным отсутствием отечественных социально-философских работ, стремящихся выявить и определить тенденции трансформации когнитивного капитализма в новые формы общественного устройства, связанные с распространением цифровых технологий. Вопрос о капитализации человеческого бытия был поставлен еще основоположниками данной концепции (А. Горц, М. Хардт, А. Негри), но актуальным и не до конца проясненным в отечественной и зарубежной науке остается вопрос о трансформации «человеческого капитала» в условиях виртуализации и дигитализации. *Методологической базой* исследования являются современные модификации деятельностного подхода, представленные «теорией когнитивного капитализма», а также наработки саратовской школы социальной философии, в частности М. О. Орлова, посвященные диагностике и анализу антропологического кризиса и его связи с социальными процессами [4, с. 281-282]. *Теоретическая значимость* подобного исследования определяется необходимостью методологического обновления концепции когнитивного капитализма в связи с формированием новой формы общественного неравенства – *цифрового неофеодализма*. *Практическая значимость* исследования состоит в выявлении тенденций современного развития, что позволит выработать стратегии преодоления кризисных явлений.

Следует отметить, что кризис все чаще становится способом описания современной социальной ситуации, причем многообразие форм его выражения – от периодических экономических кризисов до политических катаклизмов – ставит вопрос о системной природе кризиса, а именно об его антропологическом характере. Антропологический кризис – дегуманизация человека, утрата его моральных и личностных качеств, что сопровождается вполне определенными социальными последствиями – усилением экстремистских тенденций, нарастанием напряженности во взаимоотношениях между различными этническими, культурными, социальными группами, отказом от общечеловеческих моральных ценностей, нашедших отражение в религиозных доктринах и памятниках культуры различных стран и народов. Этот кризис совпал с крахом идеи глобализма как механического объединения всех локальных сообществ под знаменем европоцентристских ценностей, но суть его оказалась глубже, чем неудача определенной геополитической доктрины. У современных философов, этиков, теоретиков культуры вызывает все большее опасение распад локальных сообществ (прежде всего, семьи), которые на протяжении столетий создавали «защитный кокон» вокруг человека, способный сохранить не только биологический, но и культурный потенциал, накопленный человечеством. Но ключевой проблемой диагностики антропологического кризиса является анализ его взаимосвязи с социально-экономическими,

технологическими и социокультурными процессами, осуществляющимися в современном социальном пространстве. Особое значение в этом случае имеет обращение к категории «человеческий капитал».

Это понятие было впервые использовано в 1961 году, а уже с 1965 года американский экономист Гэри Беккер сформулировал экономическое содержание этой категории, которое подразумевало необходимость дополнительных вложений в условия жизни рабочих, их переобучение и подготовку, итогом чего становилось повышение работоспособности и увеличение количества и качества производимой продукции [3, с. 13]. Постепенно «человеческий капитал» стал пониматься как совокупность всех затрат, которые не идут непосредственно на факторы производства, но являются необходимым условием ведения экономической деятельности, например, социальные затраты предприятия на постройку детских садов и больниц для семей своих работников [6, с. 4]. Особую роль в указанных процессах приобретали финансовые инвестиции в образовательные институты, поскольку декларируемая автономия образования от рынка именно во второй половине XX века терпит крах. Формулируется установка на максимальную интеграцию образовательных стратегий и конечного продукта образования, которым должен стать будущий работник [2, с. 108].

Особую роль категория «человеческий капитал» приобрела в рамках концепции «информационного общества», провозглашавшей перерастание современной экономической материальных ресурсов как главных источников развития. В такой ситуации именно способности и навыки человека становились движущей силой дальнейшего экономического и социального развития, соответственно, человек выступал в качестве главного источника инвестиций и финансовых вложений. Стоит отметить, что подобный экономический детерминизм в понимании человека является общим свойством новоевропейской цивилизации, прошедшей по пути все большей рационализации и оптимизации затрачиваемых усилий. Как считает М. О. Орлов, «социокультурной новацией новоевропейского сознания стало оценивание человеческого капитала через призму производительного труда. Произошло концептуальное утверждение труда в качестве лекарства от страха» [4, с. 281]. В случае же с интеллектуальным капиталом происходит не отказ от господствующего восприятия человека как орудия производства, а лишь дальнейшее развитие данной идеи, связанной с развитием информационных технологий и трансформацией экономической сферы, приобретающей отчетливо инновационный характер.

Инновационный характер современного производства связан в первую очередь с развитием сферы нематериального производства, когда главным ресурсом становится уже не мускульная сила, с успехом заменяемая механизмами, а креативность, творческие способности, присущие человеку. Таким образом, переориентация финансовых вложений со стороны экономической элиты со станков на формирование человеческого капитала демонстрирует естественную тенденцию сосредоточения усилий на том элементе экономической системы, который превращается в доминирующий ресурс [7, с. 151]. Сосредоточение интереса на формировании человеческого капитала сопровождается созданием гуманистического дискурса, который выдвигает и обосновывает тезис, согласно которому именно человеческий капитал и инвестиции в него становятся способом преодоления антропологического кризиса. Иначе говоря, развитие соответствующих навыков и способностей человека рассматривается как инструмент преодоления экономических и социальных противоречий за счет сосредоточения на самореализации себя в процессе креативного производства [8, с. 433].

Вместе с тем в рамках теории когнитивного капитализма стоит говорить о том, что антропологический кризис не является первопричиной обесценивания человеческого существования и личностных качеств, а является следствием сохраняющегося социального и экономического неравенства. Стратификация в современном обществе основывается уже не столько на отношении к процессу производства, сколько на возможности получения навыков и технологий обращения с информацией. Итальянский исследователь М. Пасквинелли справедливо считает, что технологическая революция, сформировавшая цифровую реальность и сделавшая ее в каком-то смысле даже более реалистичной, нежели повседневная жизнь индивидов, не привела к реализации на практике принципов коммунизма. Реальность по-прежнему структурирована в соответствии даже с некапиталистическими, а с феодальными отношениями, что заставляет говорить о возникновении «цифрового неофеодализма» [5].

В этом тезисе проявляется трансформация самой теории когнитивного капитализма, прошедшей простую эволюцию от неомарксистской критики идеи «информационного общества» до стремления приложить методологический инструмент критической теории к анализу нового технологического состояния общества и последствий цифровой революции для всех форм человеческих взаимоотношений. Для А. Горца принципиальной установкой является подчеркивание капиталистического характера современного информационного производства, при этом подчеркивается общность сущностных характеристик современной социальной реальности с теми характеристиками, которые выделялись еще классическим марксизмом по отношению к капиталистическому обществу, в частности наличие классового конфликта между производителями и собственниками, механизмы отчуждения и т.д. [1, с. 12]. Подобная постановка вопроса была вполне логичной в контексте критики оптимистических (прежде всего, в социальном и экономическом смыслах) прогнозов относительно перспектив внедрения информационных технологий в повседневную жизнь сначала наиболее развитых мировых стран, а в перспективе – и всего мирового сообщества.

Современная интерпретация когнитивного капитализма, представленная М. Пасквинелли, обращается в большей степени к специфике современного социального устройства, анализ которой оказывается невозможным без определения роли цифровых технологий в качестве опосредующего фактора социального взаимодействия. В этом смысле упор делается не на подчеркивании сохраняющихся антагонистических структур, а на выявлении новых социальных групп, которые занимают место классических экономических классов,

что подразумевает отказ от устоявшихся объяснительных схем и стремление к непредвзятому анализу того социального пространства, которое формируется и трансформируется под влиянием цифровых технологий [10].

В связи с этим нам хотелось бы сформулировать несколько основных тенденций трансформации когнитивного капитализма в цифровой неофеодализм:

- 1) переориентация политического активизма на цифровое пространство;
- 2) виртуализация и дигитализация трудовой деятельности;
- 3) изменение хронотопа повседневного существования и ограниченная комбинаторика поведения;
- 4) окончательная капитализация человека и его сведение к набору квазитворческих навыков.

Переориентация политического активизма на цифровое пространство

Виртуализация социальных сообществ способствует смещению и радикальному переосмыслению категорий «внутреннее – внешнее», поскольку пространство для политической и социальной активности съезживается до возможностей, предоставляемых цифровыми технологиями. Парадокс заключается в том, что данный феномен воспринимается как увеличение степени свободы, хотя неотъемлемым свойством цифрового пространства является его ограниченность. Индивид ограничен в своей способности выразить отношение к чему-либо, совершить какой-либо поступок даже не политическими условиями, а технологическими параметрами, заключенными в наличии определенных площадок для активизма (социальные сети, видеохостинги). Естественно, что именно эти площадки становятся местом для совершения политических действий, но само смещение активности в ту сферу, которая заранее запрограммирована на четкое выполнение технологических алгоритмов, делает невозможным «свободное действие». Цифровая среда одним фактом своего существования ограничивает потенциал реализации человека, создает те рамки, в которые должен быть вписан современный активист – даже на самом банальном уровне технологической оснащенности и при наличии доступа к указанным площадкам.

Виртуализация и дигитализация трудовой деятельности

Не менее важным является и экономический аспект. Человеческий капитал – это не самоцель, а лишь средство достижения поставленных информационной элитой целей, поэтому виртуализация рабочего процесса, перенос акцентов с создания материальных предметов на разработку нематериального содержания виртуальной реальности лишь меняет набор навыков, которые необходимы исполнителю для квалифицированного исполнения полученного задания.

Это позволяет ввести М. Пасквинелли специальный термин «когнитивный бизнес», который определяется как «совокупность институтов, осуществляющих деятельность в сфере нематериального производства и использующих креативный труд как источник увеличения собственного благосостояния» [9]. Такой бизнес, по его мнению, не просто основан на человеческом капитале, он «паразитирует» на сознательной эксплуатации креативных возможностей человека, которые превращаются лишь в источник увеличения благосостояния.

Изменение хронотопа повседневного существования и ограниченная комбинаторика поведения

Другим свойством виртуализации человеческого бытия становится изменение привычных пространственно-временных координат. Существование в интернет-пространстве избавлено от привычных рамок пространства и времени, что фиксируется различием терминов *involvement* и *engagement*. Оба они имеют значение вовлеченности во что-либо, но имеют существенное различие: *involvement* означает физическое присутствие в каком-то месте, в то время *engagement* – включенность в определенную систему связей, какое-то сообщество. Если для традиционного общества пребывание в определенном месте и означало включенность в структуру взаимодействия (индивид находится в определенное время на городской площади, значит, он участвует в Народном собрании), то с развитием цифровых технологий присутствие и вовлеченность перестают соответствовать друг другу. Современный подросток может ехать в вагоне метро, но при этом участвовать в коллективном общении в чате со своими друзьями. Причем локализация этого общения относительно физического пространства в принципе оказывается невозможной, поскольку это общение происходит одновременно там, где находятся его участники, но при этом остается неопределенным его точное местоположение.

Таким образом, внепространственность и вневременность делают невозможной привычную систему связей, в частности между прошлым, настоящим и будущим. Взаимодействие всегда происходит «здесь и сейчас», что исключает возможность отсылок к предшествующей традиции. Можно сказать, что возникает «схлопывающаяся Вселенная», что не означает, однако, увеличения степени свободы для конкретных индивидов. По сути, им предлагается неограниченное количество комбинаций, но сама структура и границы этих комбинаций задаются не самими индивидами, а условиями функционирования цифровой реальности. В этом смысле «осовременивание» социального взаимодействия, которое, по идее, должно было избавить настоящее от диктата прошлого, превращается в новую форму контроля, остающуюся незамеченной в силу огромного количества действий, допустимых в установленных рамках.

Окончательная капитализация человека и его сведение к набору квазитворческих навыков

В итоге трансформируется и сам способ эксплуатации «человеческого капитала». Если в когнитивном капитализме капитализация осуществлялась в виде задействования креативных навыков человека в сфере материального производства, а когнитивный потенциал индивида становился ресурсом изменения и преобразования действительности, то цифровой неофеодализм переносит деятельность человека в сферу виртуального производства. Вопрос в данном случае возникает даже не в свойствах произведенного продукта, а самом использовании творческого потенциала человека, ориентированном на воспроизводство заранее заданных параметров реализации его фантазии и волевых устремлений. Написание компьютерной программы или создание аккаунта в социальной

сети представляет собой не творческий процесс, а лишь воспроизводство заранее задуманных и отработанных алгоритмов, поэтому подобная деятельность может характеризоваться лишь как квазикреативная.

Впрочем, не стоит вставать на пессимистическую позицию по поводу возможностей критического анализа современного социума. Пасквинелли считает, что сложившаяся ситуация не является в полной мере свидетельством исключительного диктата капиталистических институтов над свободной мыслью, поскольку свобода человеческого мышления все-таки обеспечивает способность критической рефлексии. «Новые абстракции в науке и новые технологии вычисления должны рассматриваться в рамках расширенного определения понятий “деньги” и “труд”. Точно так же, как Маркс основывался на воздействии генерализирующего научного труда и генерализирующего социального знания о промышленных технологиях, так же и сейчас должно быть зафиксировано воздействие новых интеллектуальных технологий на финансовый механизм современного рынка» [Ibidem]. Таким образом, даже капитализация человеческого существования еще не означает окончательного его закрепощения тотальной логикой капиталистического производства, поскольку предшествующие эпохи (прежде всего, фигура Маркса по отношению к классическому капитализму) демонстрируют возможность свободного осмысления господствующих тенденций и формулирование стратегий избавления от данного диктата. Существенным представляется лишь принцип историзма, который заставляет своевременно отказываться от устаревших догм и основывать критический анализ на непредвзятом рассмотрении социальной реальности, существующих в ней тенденций и процессов.

Можно подвести следующие итоги рассмотрению проблематики «человеческого капитала» с позиций критической теории.

На методологическом уровне следует констатировать трансформацию самой теории когнитивного капитализма, которая стремится отойти от упрощенных моделей критики информационного общества и выявить новые экономические и социальные противоречия, являющиеся порождением цифровой реальности. С данной позиции сама категория «человеческий капитал» рассматривается как элемент идеологизированной картины мира, в которой человек имплицитно воспринимается как носитель определенных способностей и навыков, которые могут быть не только опредмечены, но и выражены в денежном эквиваленте.

Развитие человеческого капитала, под которым сторонники неоллиберализма пытаются понять стремление к расширению способностей человека, увеличению его творческого потенциала, стоит рассматривать в рамках данной концепции как рациональное капиталовложение, призванное увеличить качество и количество производимой продукции (в цифровом обществе в первую очередь нематериальной). Таким образом, капитализация человека является одной из стратегий отчуждения его сущности, сведения его творческого начала к производству интеллектуального продукта, который используется не ради его личного развития, а ради увеличения благосостояния цифровой элиты. При этом взаимосвязь между капитализацией человека и расширением антропологического кризиса зачастую подается в искаженном свете, а именно актуализация человеческого капитала рассматривается как средство борьбы с кризисом, хотя современная критическая теория, представленная в работах теоретиков когнитивного капитализма, диагностирует обратную взаимосвязь. Сведение человека к совокупности производственных характеристик, способствующее углубляющемуся отчуждению личности не только от собственной родовой сущности, но и от самой идеи совместного человеческого существования, способствует усугублению антропологического кризиса. А идея «человеческого капитала» оказывается очередной попыткой включения человека в механизм экономического воспроизводства, нацеленный на удовлетворение потребностей и нужд информационной элиты.

Выделенные тенденции трансформации современного общественного устройства позволяют не просто описать происходящие изменения, но и дать комплексный анализ, выявить те направления воспроизводства общественного неравенства, которые будут реализовываться в условиях дигитализации человеческого бытия.

Список источников

1. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 208 с.
2. Кочетков И. В. Роль образования в процессе реализации человеческого капитала // Креативная экономика. 2012. № 4 (64). С. 107-112.
3. Москалев И. А. Когнитивный капитализм общества знаний // Государственная служба. 2015. № 1 (93). С. 12-19.
4. Орлов М. О. Трансформация человеческого капитала в кризисном обществе: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 16. № 3. С. 281-286.
5. Пасквинелли М. Цифровой неофеодализм: кризис сетевой политики и новая топология ренты [Электронный ресурс]. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/12/article/161> (дата обращения: 08.05.2018).
6. Хабибуллина З. Р. Трансформация человеческого капитала в условиях развития инновационной экономики: автореф. дисс. ... к.э.н. Казань, 2015. 170 с.
7. Хабибуллина З. Р. Эволюция понятия «человеческий капитал» в контексте инновационной экономики // Казанская наука. 2013. № 9. С. 151-155.
8. Эдвинссон Л. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 432-447.
9. Pasquinelli M. Capital Thinks Too: The Idea of the Common in the Age of Machine Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <http://onlineopen.org/capital-thinks-too> (дата обращения: 06.05.2018).
10. Pasquinelli M. Machines That Morph Logic: Neural Networks and the Distorted Automation of Intelligence as Statistical Inference [Электронный ресурс]. URL: www.glass-bead.org/article/960 (дата обращения: 06.05.2018).

“HUMAN CAPITAL” AND ANTHROPOLOGICAL CRISIS EMERGENCE FROM COGNITIVE CAPITALISM PERSPECTIVE

Karpovich Pavel Eduardovich
Saratov State University
lksm.saratov@gmail.com

The article deals with the problem of anthropological crisis in the perspective of the theory of cognitive capitalism, which establishes direct relationship between the activation of crisis phenomena and the perception of the individual as a bearer of “human capital”. Capitalization of a person is the next stage of his/her economic and social alienation, since the personality is reduced exclusively to a set of economically profitable and demanded skills and abilities. Diagnosis of anthropological crisis should be complemented by taking into account the specificity of digital reality and its influence on the structure of the society and the trajectory of social interactions.

Key words and phrases: cognitive capitalism; human capital; digital inequality; alienation; personality; neo-feudalism.

УДК 130.2:327:39

Дата поступления рукописи: 26.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.17>

Проведенный анализ подходов к явлению гибридных войн свидетельствует о том, что применяемые сегодня технологии оказывают воздействие на мировоззрение граждан. Это выводит гибридные конфликты на иной уровень, заставляя говорить о применении новых технологий, ориентированных, прежде всего, на социокультурную сферу. В статье выдвигается гипотеза о том, что гибридные войны имеют три вектора социокультурного влияния, воздействуя на культурную идентичность, чувство патриотизма и сопричастности судьбе государства, а также духовные и материальные ценности народа.

Ключевые слова и фразы: гибридная война; социокультурные векторы; культурная идентичность; патриотизм; ценности; всекрымский референдум.

Коноплева Анна Алексеевна, к. филос. н.

Веремьев Алексей Сергеевич

Чобитько Сергей Петрович

Крымский филиал Краснодарского университета

Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Симферополь

konoplyova.artcrimea@gmail.com; veremyev@gmail.com; 4obitko@mail.ru

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КАК СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Очевидно, что развитие военных действий, свидетелями которых мы являемся, уже давно не связано с серьезными прорывами в области науки и техники. Эти факторы выступают, скорее, как сопутствующие. Основой же превосходства на поле сражений становится умение стратегически мыслить, а также использовать нестандартные техники ведения боя, отталкиваясь не только от уровня вооружения и боеспособности, но и исходя из особенностей культуры и даже в некотором смысле менталитета участников конфликта.

Об актуальности темы гибридных войн свидетельствуют результаты опроса, проводимого в 2017 году. На вопрос о том, что представляет наибольшую опасность для Российской Федерации, 24,2% правоохранителей Республики Крым (а это второй по численности результат после ответа, касающегося поддержки отдельными государствами международного терроризма) выделили «гибридный» терроризм [2, с. 89]. Данный показатель свидетельствует о реальности гибридной угрозы и необходимости признания ее научным сообществом в качестве феномена современной цивилизации.

В контексте современных научных исследований тема гибридных войн является относительно новой. В масштабе российской науки она фактически не затрагивалась и сегодня имеет дискуссионное значение, потому в сравнении с западными разработками Россия значительно проигрывает. В кругах отечественных исследователей гибридная война нередко воспринимается как фикция, популистское понятие, не несущее в себе глубокого смысла и повторяющее уже известную практику. Ее социокультурная составляющая очерчена несколько абстрактно и в контексте зарубежных исследований, в которых затрагиваются преимущественно тактические, а не идеологические аспекты [11; 12]. Распространенный сегодня подход не учитывает, что гибридная война, основываясь на актуальных ценностях, является отражением особенностей цивилизационного развития и несет в себе угрозу национальной безопасности, воздействуя на сознание граждан.

Исходя из описанных особенностей гибридных конфликтов, целью статьи является рассмотрение социокультурных оснований гибридных войн, а также механизмов реализации гибридных конфликтов, оказывающих воздействие на мировоззрение граждан. Новизна исследования состоит в определении и анализе векторов гибридных войн, направленных на социокультурную сферу.